

В сумерках, укутавших долину реки Гонмор, царило глубокое, глухое безмолвие.

Опаленное алое русло тянулось с востока на запад, пока его не рассекла надвое исполинская расщелина, пролегшая с севера на юг. Сто лет назад, выжженное нещадным пламенем, русло полностью обмелело и высохло. Обнажившееся дно растрескалось от зноя, покрывшись сетью глубоких трещин, и теперь повсюду, устилая израненную землю речного ложа, тускло поблескивал хрустальный песок вперемишку с крупницами нетающего снега.

А ведь когда-то берега реки славились плодородием. На бескрайних пашнях колосился ячмень — лучший во всем королевстве. Теперь же некогда щедрая земля лежала мертвой и бесплодной, выжженной до самого основания. Здесь не то что капризные злаки — даже сорная трава не находила сил пробиться сквозь спекшуюся корку.

На восточном берегу когда-то высился укрепленный город, окруженный тремя процветающими посадками и множеством деревень; здешние края исстари славились многолюдьем. Век назад долина Гонмор была средоточием торговых путей: по полноводной реке сновали груженные барки, по дорогам бесконечной вереницей тянулись купеческие обозы, а широкий тракт вел напрямик к столице владения Снежной Сосны. Именно это оживление и стубило край — огненные демоны выбрали цветущую долину для своего сокрушительного вторжения.

Великий раскол, рассекший русло, оставили когти пламенных тварей. Края бездны до сих пор хранили отпечатки чудовищных лап, карабкавшихся из глубин преисподней. Когда полчища огненных демонов хлынули в долину, пламя взметнулось до самых небес. Невыносимый жар иссушил реку за считанные дни; раскаленный воздух плавил камни, превращая речной песок в кипящую алую лаву.

Когда демоны ушли, долина превратилась в пепелище. Стены города рухнули, от деревень остались лишь закопченные фундаменты, а дно реки усеяли сплавившиеся стеклянные осколки, тускло поблескивавшие на солнце. За сто лет эти земли одичали, прослав проклятым, обитаемым лишь призраками местом, куда не рисковал ступать ни один разумный.

Ближе к вечеру поднялся ледяной ветер. Завывая, он погнал по сухому руслу прозрачные стеклянные песчинки, которые с тихим шорохом покатались к выходу из тенины и замерли у копыт передового коня. Жеребец шумно фыркнул, и этот звук вместе с глухим перестуком подков разорвал вековую тишину.

Войско владения Акации, измотанное долгим переходом, упрямо продвигалось сквозь пронизывающий ветер. Командиры решили разбить лагерь на берегу, подальше от зловещей расщелины.

— Смотрите под ноги, ублюдки! — раздался резкий окрик десятника.

Хрустальная крошка под ногами казалась безобидной, но до сих пор хранила крупы черной магии огненных демонов. Стоило неосторожному воину порезать обувь или кожу, как рана начинала непрерывно кровоточить. Без особого снадобья, сваренного волшебником, кровь было не остановить — раненый медленно и мучительно угасал от кровопотери.

Первым вырос роскошный шатер Лорда Акации. Вслед за ним запестрели палатки вельмож и рыцарей, а на окраине расположились наемники-полузвери. Треанты Акации в укрытиях не нуждались: они пустили корни по периметру лагеря, одновременно отдыхая и неся ночной дозор.

В хвосте войска тащилась огромная толпа слуг и ополченцев-крестьян. Первые прислуживали благородным господам, вторых же согнали силой прямо с полей Столицы. Изнуренные ежедневной гонкой под плетью погонщиков, они едва держались на ногах. Все, на что они могли рассчитывать в конце бесконечного дня — кусок черствого хлеба и кружка ледяной воды с плавающими крупинками льда.

Поначалу мужики еще роптали на злую долю, но стоило им увидеть разоренные по пути деревни и качающиеся на виселицах тела сородичей, как недовольство мигом испарилось. Теперь все молчали, боясь проронить хоть слово: никому не хотелось привлечь внимание благородных рыцарей и примерить пеньковый галстук.

Помимо ополченцев, войско гнало за собой толпы рабов — колодников, разбойников и пленных крестьян из чужих земель. За этих бедолаг некому было заплатить выкуп, а идти им было некуда, вот их и обратили в бесправный скот. На их плечи легла самая тяжелая работа: когда в упряжках не хватало волов, рабов впрягали вместо скотины.

Среди них выделялись крепкие полузвери. Опутанные тяжелыми цепями, они лишились всякой надежды на побег, а за малейшее неповиновение получали жестокие удары плетью. Надзирателями над ними поставили их же сородичей-полузверей. Никакой племенной солидарности те не испытывали — напротив, свирепствовали пуще прежнего, упиваясь властью и со свистом рассекая воздух кожаными хлыстами. Для этих надсмотрщиков забить раба насмерть было привычным развлечением, за которое никто и никогда их не наказывал.

— Шевелитесь, ленивые твари! Живее, не то шкуру спущу! — ревели надзиратели.

Опасаясь свистящих плетей, крестьяне и рабы не смели даже вздохнуть. Забыв об усталости, они покорно поднимались с промерзшей земли и принимались за установку шатров.

— Тут ни одного дерева, тащи камни оттуда!

Долина Гонмор встретила их абсолютным бесплодием. Руины городов и весей давно обратились в прах, стертые временем и ветрами, и на мили вокруг не росло ни единой травинки. Не найдя колышков для палаток, ополченцы волокли тяжелые валуны, чтобы прижать растяжки.

Постепенно лагерь обретал очертания. Слуги развели костры и воткнули в землю факелы, озарив стоянку неровным багровым светом.

Слуги пользовались куда большей свободой, чем простые крестьяне, да и надсмотрщики-полузвери не смели поднимать на них руку. Пока разгоралось пламя, один из лакеев осторожно вытащил из-за пазухи холщовый мешочек с горстью жареного ячменя, смешанного с золой.

— Откуда дровишки? — прошептал его напарник, тут же запустив руку в мешок.

Даже не потрудившись очистить зерна от жесткой шелухи, он закинул их в рот и жадно зажевал, с трудом сглатывая и царапая горло.

— Из той деревни, — буркнул хозяин припаса. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что их никто не видит, он насыпал себе полную горсть и с хрустом защелкал зернами.

«Из деревни...»

Слуги на миг замерли, но тут же продолжили работу как ни в чем не бывало. Да, виселицы у деревенских околиц порой являлись им в кошмарах, но не более того. Жалеть покойников у них не было времени, а уж испытывать стыд за украденное зерно — и подавно. Годы жизни в Столице под гнетом вечного страха и тирании искалечили их души. Сострадание давно выгорело, уступив место извращенному злорадству: видеть чужие несчастья приносило им странное, темное облегчение.

— Эй, за работу! — рявкнул проходящий мимо полузверь.

Слуги тут же разбежались в разные стороны, на ходу вытирая ладони о штаны, чтобы скрыть следы скромной трапезы.

В самом просторном шатре Лорд Акации, сбросив тяжелый плащ, нежился на ворохе мягких одеял.

Перед ним кружилась в танце дева из племени полуводяных демонов, укрытая лишь тончайшим шелком. Ее тонкая талия извивалась с нечеловеческой гибкостью, а босые белоснежные ступни едва касались ковра. На нежных запястьях и щиколотках звенели серебряные бубенчики — изящное украшение, бывшее на деле тяжелыми оковами пленницы.

Ее томные глаза светились притворной нежностью, а драгоценный камень на шее переливался всеми цветами радуги в такт движениям прозрачных одежд. Алые, как свежая кровь, губы кривились в завлекающей улыбке, способной свести с ума любого смертного.

Серебряный перезвон бубенцов нарастал, его ритм становился все более странным,

гипнотическим. Но одурманенный правитель Акации ничего не замечал. С затуманенным взором он следил за каждым движением красавицы и жадно прикивал к кубку с вином, полностью растеряв остатки воли.

В соседнем шатре, погруженном во мрак, обитал волшебник Энрик.

Здесь не горели ни факелы, ни масляные лампы. За плотно опущенным пологом в густой темноте замерла высокая, исхудавшая фигура. Из его широких рукавов одна за другой бесшумно вылетали крупные серые бабочки.

Мотыльки кружили под куполом, шурша бархатистыми крыльями — их тихий шелест странным образом вторил серебряному звону бубенцов из шатра повелителя. На спинке каждого насекомого отчетливо выделялся злобный узор, при ближайшем рассмотрении напоминавший искаженное человеческое лицо — застывшую гримасу первобытного ужаса и лютой злобы.

Когда луна поднялась в зенит, лагерь затих. Рыцари и наемники-полузвери спали в теплых палатках. Слугам отвели скромные шатры по соседству, выдав по грубому шерстяному одеялу на троих. Хуже всего пришлось ополченцам и рабам — их загнали к коновязям, где они грелись, прижавшись друг к другу прямо на голой земле, рискуя в любой момент получить копытом от пугливых лошадей.

По периметру лагеря несли бдительную вахту акациевые треанты. Их серо-зеленые лозы скользили по земле, чутко улавливая малейшее движение.

Шум лагеря постепенно утих, и долина Гонмор вновь погрузилась в сон. Ветер рвал пламя факелов, пока они один за другим не погасли в ночи. Небо затянуло тяжелыми тучами, и на землю крупными хлопьями повалил густой снег.

В завывании бури промелькнул глухой рокот, похожий на мерную поступь исполинских ног. Великаны-треанты на мгновение напряглись, прислушиваясь к темноте. Но звук растаял в снежной круговерти так же внезапно, как и появился. Решив, что это всего лишь шутки ветра, часовые расслабились и вновь погрузились в дремоту.

Они не заметили, как прямо над их головами бесшумной тучей скользнула гигантская тень. Вестник гибели уже парил в вышине.

Яростный порыв ветра взъерошил густую шерсть ледяного демона, когда чудовищный ящер прибавил ходу. Бедолага страшно мерз, но не мог даже взвыть от досады — стоило приоткрыть пасть, как ледяной воздух забивал легкие. Он чувствовал себя на редкость нелепо и жалко.

Шедшие следом за драконом гиганты-треанты топали слишком шумно, их шаги уже едва не выдали отряд. Чтобы не спугнуть врагов раньше времени, Юнь Фэй приказал им затаиться на границе леса, лишив возможности подойти ближе к лагерю.

Сам же юный лорд Снежной Сосны стоял в полный рост на широкой спине демонического дракона, пристально вглядываясь в раскинувшуюся внизу долину.

Судя по масштабам лагеря, лорд Акации собрал под свои знамена все лучшее, что у него было — армия оказалась куда многочисленнее, чем предполагал Юнь Фэй.

По словам правителя Надро, рыцари Гигантского Медведя в пылу битвы могли впадать в звериную ярость, обретая чудовищную мощь. После падения великого Ордена рыцарей Снежной Сосны эта конница по праву считалась сильнейшей в королевстве. В открытом поле равных им не было.

«Несколько тысяч всадников, полтысячи боевых треантов и куча наемников-полузверей... Дело дрянь», — подумал Юнь Фэй. Он рассеянно помял пристроившийся на плече упругий зеленый кокон, прикидывая шансы. — «А там, у загонов... слуги, крестьяне и рабы?»

— Уведи его в сторону, — негромко скомандовал он дракону, указывая на темнеющую вдаль рощу, которую они миновали по пути.

Оказавшись на твердой земле, ледяной демон уже набрал в грудь воздуха, чтобы победно взреветь, но наткнулся на предупреждающий взгляд властелина и тут же послушно захлопнул пасть.

— Мой лорд, в лагере врага не меньше пяти сотен треантов. наших сил не хватит для лобовой атаки, — к Юнь Фэю приблизился старый Люк.

За его спиной, подобно нерушимой стене, высились сто сосновых гигантов. На ветвях одного из них колыхалась плотоядная лоза — судя по налипшей грязи и застрявшим в листьях острым кристаллам, она только что вернулась из разведки в долине.

— Знаю, — кивнул юноша.

Перевес врага в живой силе был очевиден. Юнь Фэю требовалось пробудить как можно больше лесных исполинов в этой роще. Но ритуал требовал времени и сосредоточенности, а значит, нужно было отвлечь армию Акации, устроив им знатный переполох в лагере.

— Мертвые духи, ко мне, — прошептал Юнь Фэй, коснувшись запястья и высвобождая силу Контракта с мертвым духом.

Ледяной черный вихрь с воем взметнулся к небесам. В ревущих потоках ветра проступили бесчисленные искаженные злобой лица, чьи безмолвные крики вселяли ужас в самую душу.

— Тихо вы, — поморщился Юнь Фэй.

Тьма мгновенно замерла, вой оборвался на полуслове.

Из клубящегося тумана проступили жуткие фигуры в угольно-черных балахонах с глухими масками вместо лиц. Они бесшумно парили над верхушками деревьев, застилая небосвод. От одного их вида обычный человек лишился бы чувств от страха.

Юнь Фэй указал на разложенные мешки с семенами дьявольской травы. Решив, что собранного запаса маловато, он швырнул горсть зерен прямо в талую землю и щедро влил в них свою демоническую силу. Трава росла с пугающей скоростью — за пару мгновений стебли вытянулись, выбросили тяжелые бутоны, которые с сухим треском начали лопаться, выпуская летучие пушинки.

Стоило Юнь Фэю призвать силу, как вокруг него заструилось багровое свечение демонических узоров. Он повернулся к парящим призракам:

— Соберите сколько сможете. На каждого по паре охапок.

Мертвые духи явно не обрадовались такой негероической задаче, но перечить хозяину контракта не посмели. Они бесшумно опустились на землю и принялись охапками вырывать проклятую траву, бережно укладывая ее на свои призрачные плечи, чтобы не потревожить летучие семена раньше времени.

— И тише там. Постарайтесь не поднимать шума раньше времени, — напутствовал их Юнь Фэй.

Призраки переглянулись. Для существ, чьим призванием было сеять панику и ужас, скрытность давалась куда труднее, чем резня.

— О повелитель, мы не можем этого гарантировать, — прошелестел многоголосый хор.

Поразмыслив, Юнь Фэй признал, что требует от нежити невозможного.

— Ладно, черт с вами. Просто доставьте траву в лагерь. А дальше делайте что хотите.

Этот приказ пришелся духам по душе.

Черные силуэты слились воедино, превратившись в исполинский смерч, который с утробным воем устремился к спящей долине Гонмор.

Не теряя ни секунды, Юнь Фэй достал из-за пазухи древний фолиант. Отыскав нужный разворот, он прижал пальцы к пожелтевшему пергаменту, пропуская сквозь них мощный поток чистой энергии.

Древние демонические узоры на страницах вспыхнули алым. Светящиеся цепочки символов отделились от бумаги и устремились ввысь, сплетаясь в огромную световую вязь прямо под облаками. Магический круг медленно вращался, разгоняя ночную тьму зловещим багровым сиянием.

С каждым мгновением узор становился все огромнее, пока его отсветы не накрыли всю рощу. Когда концентрация магии достигла предела, чащу сотряс яростный, оглушительный рев, подобный раскату грома.

Земля заходила ходуном — вековой лес просыпался. Один за другим лесные великаны с треском вырывали корни из скованной морозом почвы и тяжелой поступью направлялись к своему новому владыке.

Тем временем на лагерь Акации обрушился сущий ад.

Черный смерч мертвых духов с леденящим душу воем ворвался на стоянку. Перепуганные рыцари и полузвери выскакивали из палаток прямо в исподнем. Ледяной ветер хлестал их по лицам; оцепенев от первобытного ужаса, воины даже не заметили, что вместе с хлопьями снега на лагерь сыплется странная серая пудра.

— Мертвые духи! Откуда они здесь?!

— Какого хрена дозорные треанты спали?!

Паника нарастала со скоростью лесного пожара, лагерь превратился в бурлящий котел.

Акациевые треанты и рады бы оправдаться, да не могли проронить ни звука. Облако дьявольских семян окутало их со всех сторон; прорастая прямо сквозь кору, лозы стремительно высасывали из великанов жизнь. Исполины слабели на глазах, будучи не в силах даже сдвинуть с места окоченевшие корни.

— К волшебнику! Живо зовите Энрика! — орали командиры.

Однако рыцари Гигантского Медведя не потеряли присутствия духа. Быстро перегруппировавшись, несколько десятков всадников нанесли совместный удар неистовой силы. Волна чистой боевой ярости на миг рассеяла черный смерч нежити.

Но торжество было недолгим — призрачный туман быстро сгустился вновь. Разозленные отпором мертвецы взвыли еще яростнее, являя из темноты свои жуткие, оскаленные хари.

Закаленные в боях рыцари не дрогнули. Сжав поводья, они лавиной ринулись вперед, круша призрачный вихрь тяжелыми двуручными мечами. Сила их ударов рвала бесплотные тела духов на куски, прерывая подпитку вихря.

Пусть мертвые духи и были бессмертны, их магический резерв таял. Черный туман начал редеть, а зловещий вой сделался тише. Но стоило тяжелой кавалерии изготовиться к решающему броску, как воины один за другим стали валиться из седел.

Цепкие семена дьявольской травы проникли под сочленения лат. Тонкие корешки мгновенно впивались в плоть, разрывая мышцы и заставляя закаленных рубак кричать от дикой боли.

Воспользовавшись заминкой врага, духи закружили смертоносные вихри, превращая потоки ветра в ледяные копья. Пронзенные призрачным хладом рыцари падали навзничь; ледяная стужа мгновенно останавливала сердца, и воины застывали с выражением крайнего изумления на мертвых лицах.

В этот момент из своего шатра наконец величественно выступил волшебник. Протянув бледную, костлявую руку, он без труда поймал кружащуюся в воздухе пушинку.

— Трава дьявола, — прошептал Энрик, брезгливо растерев семечко пальцами.

Взмахнув эбеновым посохом, маг высвободил клубы серого дыма, соткавшие над лагерем гигантскую сеть. Напитанная темной магией паутина притягивала к себе летучие семена со всей округи, заставляя их лететь против ветра и лопаться высоко в небе, превращая в безвредный пепел.

Однако в эту же ловушку угодили и мертвые духи. Оказавшись взаперти, нежить впала в безумную ярость и принялась с утроенной силой рвать на части попадавшихся под руку воинов.

— Энрик! Сделай же что-нибудь! — донесся испуганный рев Лорда Акации из глубин лагеря.

Волшебник поморщился, но послушно изменил плетение чар, ослабляя хватку сети и направляя всю мощь на изгнание призраков. Поняв, что добыча ускользает, нежить поспешила ретироваться, обратившись в черный вихрь и растворившись в ночной метели.

Уцелевшие рыцари без сил повалились на землю, тяжело отдуваясь. К центру лагеря, жалобно поскрипывая, стягивались увядающие треанты Акации, моля волшебника избавить их от терзавших тело паразитов.

— Терпение. Сейчас все закончится, — холодно бросил маг.

Он резко взмахнул посохом. Острые лозы дьявольской травы стали с корнем вырываться из тел пораженных, причиняя им неопишуемые муки. Деревянные исполины еще находили в себе силы сносить боль молча, но рыцари Гигантского Медведя орали благим матом. Из лопавшихся вен струилась кровь, их глаза налились багрянцем — большая часть элитной конницы лишилась боеспособности.

Наемникам-полузверям и простым ратникам повезло еще меньше. Их палатки стояли на самом отшибе, и помощь к ним прийти не успела. Буквально за пару минут несчастные иссохли до состояния мумий, а сквозь их обтянутые кожей ребра буйным цветом проросли сочные зеленые стебли.

Лишь ополченцы и рабы, от страха забившиеся в самые дальние углы конюшен, чудом избежали заражения.

Поняв, что вручную с этой заразой не справиться, Энрик велел всем уцелевшим отойти назад и безжалостно выжег пораженные участки лагеря очищающим пламенем.

— Клянусь бездной, это еще что?! — испуганно завопил кто-то из наемников, указывая на горизонт.

В темном небе прямо над вершинами деревьев горел колоссальный багровый глиф. Его границы стремительно расширялись, заливая злобещим кровавым светом всю долину Гонмор.

Лицо Энрика окаменело. Не отрывая взгляда от небесного знамения, он кожей ощущал, как к лагерю приближается колоссальный поток древней и яростной силы.

Земля содрогнулась от мощного подземного толчка, и по теснине покатилося грозное эхо.

В вышине, разрывая тучи, возник исполинский силуэт демонического ящера. Кружа над объатым паникой лагерем, чудовище изрыгнуло струю черного пламени. Потoki всепожирающего огня хлынули на палатки, заставляя даже хваленых рыцарей в панике искать спасения.

В ту же секунду в долину ворвались три сотни сосновых треантов Снежной Сосны. С корнем вырывая огромные валуны, лесные великаны с силой обрушивали их на позиции врага. Многотонные глыбы с грохотом катились по сухому руслу, превращая в щепки уцелевшие шатры и заживо хороня под собой зазевавшихся солдат.

Рыча от ярости, акациевые треанты ринулись наперерез нападавшим. Их было больше, но изнуренные ядом дьявольской травы, они не могли оказать достойного сопротивления. В этой яростной схватке сосновые исполины ломали их ветви как сухие щепки, круша стволы и с глухим треском вырывая из груди противников сияющие сердца треантов.

Ледяной демон вскарабкался на вершину утеса и огласил долину торжествующим ревом.

Там, где ступали его тяжелые лапы, земля покрывалась коркой льда. Следом за его криком на ущелье обрушилась яростная метель, сковывая движения воинов Акации смертным холодом.

Адское пламя дракона поглощало лагерь, и прямо из бушующего багрового костра один за

другим являлись мертвые души. Подчиняясь лишь жажде крови, они с диким хохотом врезались в гущу схватки, буквально разрывая живых врагов на куски.

— Энрик! Тварь ты плешивая, сделай же хоть что-нибудь! — в панике вопил Лорд Акации, мечась среди горящих руин.

Этот вопль выдал его с головой. Юнь Фэй мгновенно заметил богато украшенные доспехи предводителя Акации.

Демонический дракон сложил крылья и камнем ринулся вниз, нацелив на перепуганного лорда оскаленную пасть.

Но путь ему преградил возникший словно из ниоткуда волшебник. Самоцвет на набалдашнике его посоха вспыхнул зловещим зеленым светом. В ту же секунду воздух заполнила туча мерзких пепельных мошек. Мириады насекомых живым щитом заслонили мага; сгорая в драконьем пламени, они мгновенно возрождались из собственного пепла.

Половина этого роя устремилась к сражающимся сосновым трентам. Стоило паразитам коснуться коры, как дерево тут же покрывалось гнилостными язвами и глубокими трещинами — эта зараза разъедала плоть лесных гигантов куда быстрее проклятой травы.

— Юный лорд, бить исподтишка — дурной тон, — холодно процедил Энрик, вновь воздевая посох. Рой мошкар увеличился вдвое.

Юнь Фэй лишь усмехнулся. Дракон заложил крутой вираж, а юноша плавно выхватил меч Снежной Сосны. Клинок налился яростным багровым светом. Взмахнув оружием обеими руками, лорд послал вперед широкую серповидную дугу чистой энергии, которая с шипением перерезала тучу насекомых пополам.

На сей раз возродиться твари не смогли — их пепел безвредно осел на снег.

Высокомерное выражение наконец сползло с лица придворного мага. Он судорожно вскинул посох, готовя новое заклятие, но в этот миг долина содрогнулась от толчка невероятной силы.

Алое каменистое русло реки Гонмор с грохотом провалилось внутрь себя. Тонны песка и щебня лавиной устремились в разверзшуюся бездну, а над ущельем поднялось удушливое облако пыли.

— Что происходит?!

— Неужели огненные демоны возвращаются?!

В панических криках воинов сквозило чистое отчаяние. Трещина в земле росла на глазах, заставляя дно долины вздыматься каменными волнами. Сражающиеся треанты обеих сторон спешно пустили корни поглубже; даже их могучие тела била крупная дрожь от исходившей из земных недр мощи.

Внезапно тряска прекратилась. Из поднявшейся пылевой завесы медленно, величественно поднялось нечто колоссальное.

Исполин высотой превосходил сто метров. Его могучий ствол из иссиня-черной древесины едва ли смогли бы обхватить пять взрослых мужчин. Широкая раскидистая крона тянулась к облакам, но на ее ветвях не было ни единого листа.

Юнь Фэй понятия не имел, к какому виду принадлежит этот великан, но безошибочно признал в нем сородича старого Люка.

Глаза волшебника Энрика округлились от изумления. Он так сильно сжал эбеновый посох, что побелели костяшки пальцев, а его взгляд сделался мрачным и встревоженным.

— Эбеновый треант... — едва слышно выдохнул он.

Ни одна живая душа в королевстве не знала, что на дне проклятой долины Гонмор веками спал вечным сном столь могущественный страж ушедшей эпохи.

<http://bllate.org/book/18992/1988463>